

С недавнего времени мне стали активно задавать вопросы об истории новокузнецкой фотогруппы «ТРИВА», быть организатором и участником которой мне довелось. Один из спрашивающих даже выразил желание собрать всякие материалы по ней и попробовать опубликовать их. Чтобы не пересказывать историю несколько раз, я решил «отбаяриться», а точнее «отписаться», изложив ее настолько подробно и последовательно, насколько помню. Планирую в дальнейшем добавить к ней и воспоминания других непосредственных участников событий... Если, конечно, повезет и они согласятся...

Оглядываясь сегодня на события почти сорокалетней давности и рассматривая всю их совокупность, не могу не отметить удивительной последовательности в действиях некой Мудрой Силы, неуклонно, шаг за шагом, формирующей мою жизнь до сего дня. Конечно, каждый из нас троих вынес из произошедших с нами событий свой опыт, пропитанный и усилиями, и радостями, и, наверное, огорчениями и разочарованиями.... Но в целом, мое благодарение Господу за то, ЧТО случилось и КАК...

ПРЕДИСТОРИЯ

Итак, по нашей традиции обозначим место и время.

СССР в середине 70-х годов прошлого века, Центральная Сибирь, Кузбасс, Новокузнецк - полумиллионный промышленный город с шестью заводами, двумя крупнейшими металлургическими комбинатами и десятком угольных шахт. Город угля и металла, как любили говорить с трибун "отцы города".

Прежде всего, эта Мудрая Сила, (назовем ее для краткости Судьбой), заранее позаботилась о том, что нам было, ГДЕ работать и ЧЕМ работать – о Месте.

Кино-корреспондентский пункт Кузнецкого металлургического комбината, громко именующийся киностудией «КМК-фильм», возник благодаря активности Алексея Зарубина, который питал слабость к кино и решил, как это часто было при плановом хозяйстве, сделать свое хобби своей профессией. Заразил своей идеей друга Николая Миловацкого, зам. директора завода, тоже фотолюбителя, и так случилось, что через некоторое время в Минчермете вышло распоряжение о создании на крупных предприятиях отрасли кинокоррпунктов. Инициативы Зарубина хватило на многое, в том числе и на поиск профессионального оборудования, и на выбивание помещения для своего детища.

ИСТОРИЯ

Много лет киностудия занималась выпуском документальных кинофильмов о людях комбината. В 1974 году я шел по улице с мыслью найти работу. Многозначительная вывеска «Киностудия «КМК-фильм» привлекла мое внимание и оказалось, что киностудии нужны электрики. Студия, общей площадью около 300 кв. метров, занимала половину крыла большого здания в центре города. Помещение было насыщено отечественной кино- и фотоаппаратурой, осветительными приборами, звуковой аппаратурой, десятками килограммов фотохимии, сотнями квадратных метров фотобумаги, километрами киноплёнки. И всем этим богатством могли пользоваться всего несколько человек, в число которых попал и я. Сначала стал электриком, а потом и фотографом.

Второе, что нужно для нормального профессионального роста – мотивация. Для фотографа – это возможность выставляться, участвовать в творческих конкурсах, крутиться в творческой среде...

С этим тоже оказалось все в порядке. Городской фотоклуб, который опекала местная городская газета «Кузнецкий рабочий», собирался тут же, в помещении «КМК-фильм» раз в неделю. А раз в год фотоклуб делал отчетную фотовыставку в местном художественном музее, раз в пару лет свою фотовыставку проводил областной фотоклуб. Были еще всероссийские и всесоюзные выставки. Так что, реально можно было ежегодно участвовать в 3-4 фотовыставках разного уровня. С 1975-го по 1977-й год я не пропустил ни одной городской, областной и республиканской фотовыставки.

Третьим элементом для творческого роста является «поляна съемки» - тот объем сюжетов и тем, до которых фотограф может дотянуться. С этим элементом тоже все было в порядке. В нашем распоряжении находилось все пространство металлургического комбината, 10-12 кв. километров, около 30-ти цехов и 20 тысяч работников. Никто, кроме нас, не мог снимать в его цехах - предприятие было режимным. Кроме того, само помещение киностудии располагалось не на территории завода, а в центре полумиллионного города, по которому мы могли двигаться в любом направлении и в любое время суток. И город, и завод были в нашем полном распоряжении - так решила Судьба.

Немаловажным было и то, что все руководство и комбината и города, партийное и остальное, знали нас в лицо. Ведь без кино- и фотосъемки не проходило ни одно серьезное мероприятие, ни в городе, ни, тем более на комбинате. На обеих демонстрациях, майской и ноябрьской, мы трудились - стояли под трибуной с руководством города и снимали проходящие мимо колонны.

И наконец, четвертый, необходимый элемент для любого развития - Наставник. Он же - первый по значению. И об этом позаботилась Судьба. Своего наставника мы обрели в лице Владислава Афанасьевича Запорожченко, работавшего тогда собственным корреспондентом «Комсомольской Правды» в областном центре. Сначала он нам «не приглянулся». Небольшого роста, быстрый, взгляд с прищуром, не прямой, речь больше вопросительная, состоящая более из предположений, а не утверждений. Но его замечания и слова побуждали к размышлению, а правда их была неявной и обнаруживалась не сразу. У него есть глубинное внутреннее чутье. Даже не на саму фотографию, не на сюжет, не на форму подачи, а скорее на то, что в основе. На тот глубинный импульс, что движет фотографами, заставляя сгибаться палец. Тот импульс, который невозможно отследить, ибо он опережает (и должен опережать) мысль. Тот импульс, который еще до мысли. Тот импульс, который и делает из человека с фотоаппаратом фотографа, а из фотоснимка – фотографию... Вот такую фотографию, созданную этим импульсом, Запорожченко распознавал и находил среди огромной кучи фотоснимков, даже если она там была всего одна. Этому распознаванию он учил и нас, на наших и чужих фотографиях. Пожалуй, из всех даров Судьбы, встреча с ним – лучший из даров.

Через какое-то время мы обнаружили, что снимать металлургию отечественной фотоаппаратурой нелегко: перепад яркостей раскаленного металла таков, что отечественная оптика и пленка не справляются. Глаз видит, а камера не фиксирует. А жюри выставок фотографии «рабочей тематики» принимало с удовольствием. Пришлось преодолевать несовершенство отечественной аппаратуры и фотопленки. Мы подошли к вопросу по-научному: провели тесты всех фотоаппаратов и объективов, которыми пользовались и выявили лучшие по качеству изображения, и по надежности. Затем так же тщательно разобрались с обработкой пленок: провели тестовые и резольвометрические испытания всех поступающих фотопленок, сравнили их с заводскими. Так же последовательно подошли к выбору проявителей. После

этого мы узнали, что способна зафиксировать советская фотопленка в советском фотоаппарате, а что – не может. Оказалось, что внутри подавляющего числа заводских цехов мы снимать не имеем возможности – техника не позволяет... Возникла дилемма - творческий импульс есть, а реализован быть не может... Потому что - нечем.

На дворе 78-й год. В своем городе зарубежные фотоаппараты мы могли видеть только на животе корреспондента ТАСС по Кузбассу Анатолия Кузярина. Ни в одном магазине СССР такая аппаратура не продавалась. Ее выдавали в АПН и ТАСС собственным корреспондентам или привозили те советские граждане, что работали в зарубежных странах и получали за свою работу инвалюту (не на руки, а на счет). Хождение иностранных денег в СССР было запрещено законом и наказывалось довольно строго. А за рубежом на «честно заработанные» можно было купить аппаратуру и привезти в Союз, как бы «для собственных нужд». «Выездные» так и делали: из каждой поездки привозили фотоаппаратуру и сдавали ее в комиссионные магазины, откуда аппараты раскупались советскими фотолюбителями. В Сбербанке доллар стоил 78 копеек, но на черном рынке его курс был 5 рублей. Поэтому, меняя в Сбербанке доллары на рубли, человек за 300 долларов получал только 240-250 рублей. А потратив за границей 300-350 долларов на зеркальный фотоаппарат, он сдавал его в московский комиссионный магазин за 1400-1600 рублей. Разница была ощутимой и существовал целый пласт «выездников», подрабатывающих поставками фотоаппаратуры для советских фотолюбителей. Поэтому в Москве, Ленинграде и других портовых городах фотоаппараты бывали, хоть и по стоимости годовой зарплаты советского инженера (1200 – 1500 рублей)

И вот в 1978 году Судьба дала мне шанс. Серьезный руководитель серьезной организации заказал мне большую съемку по своему предприятию и нашел возможность всю ее оплатить. На руки я получил 1400 рублей, как раз на хороший иностранный фотоаппарат. С этими деньгами я поехал в Ленинград на очередную сессию, а на обратном пути в Москве, в подворотне комиссионного магазина Судьба свела меня с владельцем зеркального фотоаппарата CANON EF. Отдавать такие деньги за автоматическую фотокамеру, которую никак невозможно проверить в подворотне, было безумием, но Судьба подстраховалась. В подворотне я поменял все свои деньги на новую исправную фотокамеру, лучшую в своем классе, и долго петлял по улочкам Москвы, чтобы сбить со следа возможную погоню.

Вернувшись в Сибирь, я первым делом отснял фотопленку на всех автоматических режимах, проявил ее и отпечатал. Когда Володя и Саша увидели, что вся фотопленка абсолютно ровно проэкспонирована: и на улице, и в помещении, и против солнца, и в тени, они зарядили свои фотоаппараты ПРАКТИКА и «ЗОРКИЙ-4», отсняли те же сюжеты, (для сравнения) проявили и напечатали фотографии. Когда отпечатки положили рядом, наступила пауза – всем всё стало очевидно. Добавить к увиденному было нечего. Молча мы пошли пить чай. Надо было искать деньги и покупать иностранные фотокамеры...

Через некоторое время Александр напрягся и месяца через три уехал с деньгами в Москву, где в том же комиссионном магазине Судьба подарила ему, а через него, и нам легендарную дальномерку «LEICA M3» с набором оптики. Пишу "подарила" потому, что досталась она по цене, в пять раз меньшей ее стоимости. А еще через пару месяцев, когда денег уже не было, а камера была нужна, Судьба передала в его руки и вторую «LEICA M4». Передала почти даром, просто «за копейку».

Считаю, что второе рождение фотографа в каждом из нас произошло, благодаря смене аппаратуры. И объяснялось оно просто резко возросшими техническими возможностями. Это был 1979 год.

Теперь в наших руках были лучшие профессиональные камеры и никаких препятствий для появления хорошей фотографии не осталось. Новая аппаратура позволяла снимать все, что видел глаз. И фотографии посыпались как из рога изобилия – по десятку и более в месяц. «Ни дня без снимка» - переименованный под фотографию девиз журналистов висел на стене чайной комнаты, где мы обсуждали вопросы теории и практики, рассматривали новые фотографии друг друга.

Рамки местного фотоклуба как-то резко стали тесными, вопросы, обсуждаемые на его встречах – мелкими, несерьезными. Количество фотовыставок для реализации потока фотографий – слишком маленьким. Да и фотография наша стала другой – более профессиональной. Поэтому из фотоклуба мы вышли... Втроем и сразу.

Надо сказать, что в то время такой профессии как «фотограф» на территории СССР не существовало, не было ее в перечне профессий. Те, кто работал в периодических изданиях: газетах, журналах, советских агентствах АПН и ТАСС назывались «фотожурналистами» и могли вступить в Союз журналистов. Те, кто делал фотографии населения на паспорт и для дома, именовались «фотографами службы быта», «бытовиками». А остальные люди, получающие деньги именно за фотографирование, были «подснежниками», числившимися в штатах предприятий как инженера, техники, рабочие, преподаватели, сторожа, лаборанты и прочие. А поскольку нет профессии, нет и профессиональных учебных заведений: техникумов и вузов. Поэтому все фотографы в СССР были самоучками. Все преодолевали профессиональные трудности, связанные с фотохимией, фотопечатью, постановкой света, в одиночку. Все «изобретали велосипеды», собирали их и ездили. Кому-то везло больше, ибо рядом были старшие товарищи, коллеги по увлечению. Кому-то из горожан везло еще больше - в их городе был фотоклуб. Несмотря на то, что нашей профессиональной обязанностью было создание и изготовление фотографий, мы были обычными «подснежниками» – инженерами, техниками и лаборантами заводской лаборатории. То есть – фотолюбителями. И отвечало за нас определенная организация, для того и созданная – журнал «Советское Фото».

Через какое-то время наши фотографии засветились на всероссийской и всесоюзной фотовыставках и, в очередной поездке через Москву в Питер, я познакомился с зав.отделом по работе с фотолюбителями Михаилом Леонтьевым. Показал ему фотографии, чем очень заинтересовал.

Так вот, все связи с «зарубеьем», в том числе и фотографические, определялись законом «железного занавеса» и маленькими «окошечками» в его монолите: «для науки», «для техники», «для родственников», «для культуры»... За каждое направление отвечало соответствующее министерство, с кураторами из «большого дома на Лубянке». Фотографы-любители в СССР окормлялись единственным фотожурналом «СФ» во главе с редактором Ольгой Сусловой, родственницей «главного идеолога страны». Именно она имела доступ к «окошечку для культуры». В журнале печатались разные снимки, а иногда на его страницах публиковалась информация о том, что в очередной стране соцлагеря прошла очередная фотовыставка, где очередные фотографы, близкие журналу, получили очередные премии или призы. Так что для всех фотолюбителей Советского Союза (за исключением прибалтов, у которых был свой Фотосоюз) проход к «окошечку» для высылки фотографий за рубеж шел через приемную журнала «СФ» и некоторых его работников.

Когда мы начали искать выход на зарубежные выставочные площадки, то довольно скоро обнаружили и местонахождение «окошечка», и правила, в которые надо играть, чтобы фотографии попали в очередную коллекцию. Коллекция формировалась в «Советское Фото» парой-тройкой «специальных людей», в обязанности которых входили просмотр, просев и отбор всех отправляемых за рубеж фотографий с учетом их идеологической направленности. Мы решили, что лишние цензоры нашим фотографиям не нужны и стали искать другие законные пути «за бугор» в обход редакции «СФ».

Оказалось, что фотовыставок, даже с учетом всех соцстран (Германии, Венгрии, Чехословакии и Польши) немного, не более десятка. Информация о них на русском языке (т.е. в «СФ») отсутствовала полностью, за исключением пары-тройки международных фотовыставок типа «ИНТЕРПРЕССФОТО», «PENTAKON-ORWO», формирование союзной коллекции на которые происходило в редакции «СФ». Нас же, кроме условий и сроков конкурса, интересовали и адреса организаторов, чтобы можно было отправить посылку с фотографиями непосредственно в жюри выставки, минуя промежуточных советских цензоров. Такая информация иногда публиковалась в немецком фотожурнале FOTOMAGAZIN, который нерегулярно приходил в отдел иностранной литературы городской библиотеки, иногда – в еще более редком для провинции венгерском журнальчике FOTO. И уж совсем редко – в польском и чешском фотожурналах. Чтобы воспользоваться этой информацией, пришлось восстанавливать знания немецкого языка, знакомиться с польским и чехословацким словарями. Мы подготовили шаблоны обращений к организаторам выставок на английском, немецком, польском, венгерском, французском и чешском языках с просьбой о присылке формуляров и стали регулярно рассылать письма по тем адресам, что находили в журналах. Затея удалась. Не знаем, как реагировали организаторы на внезапные письма из-за «железного занавеса», на формуляры и приглашения стали приходить.

Мы собрали первую коллекцию, и тут обнаружилось, что за рубеж фотографии может посылать только официальное лицо, то есть организация, и только через Международный московский почтамт. Только на нем есть бланки «формы № 103М», без которой посылка с фотографиями через границу не пропускается (не выполнены требования к пересылке), а просто теряется в недрах Почты СССР. На Новокузнецком городском почтамте о форме № 103М и слыхом не слыхивали, и в глаза ее никогда не видели. Но, тем не менее, нам в приеме зарубежных посылок не отказывали, впрочем, никак не гарантируя то, что послание дойдет до адресата. На самом ММП мне выдали только один экземпляр формы-103М, в то время как на каждое отправление надо было два экземпляра. Где хочешь, там и бери остальные экземпляры, а вся множительная техника в СССР на спецучете в КГБ, даже печатные машинки. Нам предстояло каким-то образом размножить имеющийся экземпляр «формы 103М», внести в него названия всех посылаемых фотографий, заверить гербовой печатью и подписать первым лицом предприятия или его заместителем. Для нашего случая – директором гиганта-завода или его замом. Другого способа участвовать в зарубежных выставках, живя в сибирском городе в 3500 километрах от Москвы, не было.

С размножением мы справились легко – подвернулся временно неучтенный, (благодарение Судьбе), «ксерокс» - очень редкая в Сибири того времени «штучка». Отпечатали 100 штук "формы № 103М". А далее – надо было создавать собственную фотоорганизацию.

ОБЪЕДИНЕНИЕ

И тогда за одним из чаепитий мы решили объединиться. И из трех фотографов создать «Творческое фотографическое объединение профессиональных фотографов»

«ТриВА». Три – два Владимира и Александр. Сказано – сделано. Разработали Устав, знак-логотип, отпечатали на картоне и лично передали в отдел культуры горисполкома, приложив к заявлению о регистрации ходатайства от администрации, парткома и профкама завода. Власти, как я уже писал, в лицо нас знали, о наших творческих достижениях были осведомлены через городскую газету. Через какое-то время Устав был утвержден и подписан заведующим отделом культуры. Мы стали официальным лицом, не юридическим, но все-таки.

С этими документами и выставочными фотографиями мы появились в кабинете зам. директора комбината Миловацкого. Сначала мы сказали правильные слова о советском человеке и своем желании прославлять его труд за границами нашей Родины. Затем мы разложили фотоработы на столе и предложили Николаю Митрофановичу помочь отправить их за границу, то есть поставить свою подпись и гербовую печать на первой группе посылок. Он посмотрел фотографии, увидел, что большинство из них ему знакомы по выставкам и всяким заводским стендам, пожелал нам успеха и расписался на всех «формах № 103М». Фотомост «Сибирь – зарубеж» заработал.

Заказов на фотографии от завкома партии и комсомола, которым мы подчинялись, нам уже не хватало. Чтобы иметь повод для съемки мы рекомендовали начальникам цехов заменить фотографии на цеховых досках почета с привычных паспортных портретов на «портреты с рабочих мест». Но и этого было мало. Стали внимательно приглядываться к тому, чем живет завод, стали искать и как-то разрабатывать темы. Стали больше снимать в городе, на его улицах.

Выставочных площадок нам тоже перестало хватать. Тогда мы предложили завкому КПСС переоборудовать под выставочный сорокаметровый стенд на одной из трех главных улиц города: убрать из него цифры и показатели работы завода и вставить репортажные фотографии из его цехов. Проработали дизайн, необходимые изменения в конструкции, начертили чертеж, заверили его в завкоме, договорились с рабочими. И через месяц круглосуточная выставочная площадка под фотографии поступила в полное наше распоряжение.

В зависимости от формата, стенд вмещал в себя, от 20-ти до 60-ти фотографий, по семи темам. Обновлять его мы собирались раз в три месяца. Для нас настала горячая пора. Мы сами находили темы, утверждали их в завкоме партии, договаривались с руководством цехов, с людьми и снимали, снимали...

Новые фотоаппараты имели объективы с такими характеристиками, которые не могли быть реализованы на любительских фотоувеличителях. Мы сконструировали и своими руками изготовили насадку с точечным источником света для отечественного фотоувеличителя «Беларусь 2», кабинет начальника переоборудовали в фотостудию с меняющимся фоном и оснастили ее самодельным осветительным оборудованием на основе прибалтийских фотовспышек FIL с фотосинхронизаторами и рассеивателями из дождевых зонтов, покрашенных вододисперсионной краской. В этой фотостудии мы могли снимать фотопортреты передовиков на Доску Почета при феноменальной диафрагме 11 и даже 16.

Мы протестировали всю отечественную черно-белую фотопленку и определили, что оптимальным соотношением «цена-качество» обладает шосткинская фотопленка «СВЕМА». Конечно, в Казани изготавливали пленку с лучшими характеристиками, но невозможность регулярно получать свежую пленку с «ТАСМЫ» делала ее неконкурентной. А снимали мы много, более 1000 пленок в год на троих. Поэтому поступали просто: находили в магазине фотопленку с минимальным временем проявки, покупали одну, проверяли на плотность вуали и, если пленка нас устраивала, закупали на свои деньги две-три упаковки. Своими руками изготовили водяной фильтр для очистки промывочной воды.

Серьезно подошли к формированию личных фотоархивов. Разработали систему архивации и хранения негативов, а главное, нашли способ быстрого контактного копирования всей пленки. Сейчас это называется «фотопринт». Теперь любой негатив мы могли найти в течение 5-10 минут по его изображению. Через пять лет нам в руки попал фотожурнал со статьей о легендарном фотоагентстве «МАГНУМ». Их система ведения фотоархива оказалась идентична нашей. Ту же систему ведения архива мы сохраняем и по сей день.

Одним словом – технологическую сторону всех ступеней фотопроцесса мы привели в соответствие с уровнем фотоаппаратуры.

Все фотографии, прошедшие на всесоюзные, зарубежные и международные фотовыставки мы вывешивали на "фотографическую доску почета" в большом просмотровом зале студии, а к тем из них, которые удостоились наград, прикрепляли соответствующую надпись. О каждой своей победе мы сообщали в городскую газету, и соответствующая информация появлялась в разделе «новости культуры».

В 1980-ом году в очередной поездке через Москву я зашел в "СФ", где готовилась в печать наша статья о переделке фотоувеличителя, рассказал Михаилу Леонтьеву об организации "ТРИВА" и показал наш уличный стенд. Он как-то очень взволновался и уточнил: "Все те фотографии, что ты мне показываешь, вы вывешиваете на этом стенде?" Я ответил, что да... Тогда он куда-то убежал, а вернувшись сказал, что к нам в "ТРИВА" приедет сотрудник журнала.

Сотрудником оказался молодой Александр Аксенов. Он приехал неожиданно быстро, пробыл у нас дня три: просмотрел множество фотографий, задал множество вопросов, внимательно изучил фотографии на "доске почета". В городской фотоклуб он не ходил - такого задания у него не было. Отобрал некоторое количество фотографий и уехал, пообещав уведомить о выходе статьи.

К тому времени участие фотогруппы в выставках мы поставили на поток. Регулярно просматривали в доступных журналах все объявления о новых конкурсах и выставках, рассылали запросы на формуляры. После того, как фотография одобрялась всеми, мы печатали ее в 10 экземплярах, штамповали знаком «ТРИВА» и отправляли в хранилище.

Очень серьезно прорабатывалась теория фотографии, ее репортажная основа, обоснованность и границы документального подхода к фотографированию. Съемка 50мм. объективами, «штатниками», стала определяющей, ибо созданная ими фотография сохраняла привычную для глаза перспективу, а при рассматривании создавала ощущение "окна в событие". Метод погружения в событие стал основным способом съемки. А чтобы подчеркнуть полноту документа, мы стали печатать со всего негатива, вместе с перфорацией. Через какое-то время от перфорации отказались, - слишком "художественно", - а печать с полного негатива сохранили до сих пор.

Следуя настоятельному совету Владислава Запороженко «учиться на шедеврах», мы всеми способами искали шедевры мировой фотографии, переснимали их и внимательно изучали. Однажды в руки нам попала книга "BEST OF LIFE", неведомым образом заблудившаяся в Новокузнецке, - принес один из старых фотолюбителей. Весь толстенный «кирпич», был нами переснят и переведен в слайды, для возможности показывать на экране. Это богатство мы внимательно изучали несколько лет.

Тогда же, в 1980-м году опробовали новый способ подачи своих фотографий - альбомный. Наш первый фотоальбом состоял из набора выставочных фотографий группы "ТРИВА", был собран вручную по специальной методике, назывался "FOTOFABER" и существовал в двух экземплярах. Один экземпляр мы отправили Владиславу Запороженко, другой оставили себе - на память.

Одним словом – все покатило и закрутилось. Мы догадывались, что так хорошо долго продолжаться не может. Ведь развитие идет через преодоление сопротивления – таков закон Природы. Но что все закончится так быстро – не предполагали. Официально группа «Трива» просуществовала с апреля по конец января - меньше года.

РЕАКЦИЯ СРЕДЫ

Началось все достаточно безобидно – с перехода на очередную ступень выставок, от "соц.стран" к "кап.странам". В конце 1980 года в наши руки попали фотокопии страниц зарубежных журналов с адресами фотовыставок и фотосалонов в капиталистических странах: Японии, Франции, Голландии, Испании, США, Малайзии и других. По заведенной традиции мы отправили на некоторые из адресов запросы на участие. Одновременно, Запороженко прислал из Москвы письмо с вложением, о котором мы давно мечтали - с формуляром на участие в самом престижном фотоконкурсе журналистской фотографии WORLD PRESS PHOTO. Хотя наши фотографии, строго говоря, не были журналистскими, т.к. никогда не заказывались прессой и не публиковались, некоторые из них, по нашему мнению, имели шанс попасть в коллекцию WPP. Мы решили попробовать поучаствовать. Тем более, что entry form WPP был у нас на руках. Да и само участие в конкурсе могло резко повысить и нашу самооценку, и наш авторитет в профессиональной среде. Но, Судьба, видимо решила, что наше время еще не пришло...

В ожидании прихода приглашений, мы внимательно просмотрели всю выставочную коллекцию группы, отобрали самые сильные фотографии, напечатали их в нужном формате и оформили два блока посылок. С подписями и печатями на «форме № 103М» вопросов тоже не возникло – фотографии были из привычной, много раз виденной обоймы. Блоки отличались тем, что в одном из них все посылки направлялись в «капиталистические» страны, а другом - в "соцстраны" и в Голландию на World Press Photo. С "кап.странами" Союз не дружил, поэтому правила пересылки в них могли отличаться от правил стран «соцлагеря» - эти правила надо было знать и учитывать. Знать их мог только тот, кто этой дорожкой хотя бы пару раз прошел. Таких в Новокузнецке не было. Вообще никто, кроме нас, фотографии за рубеж в те времена не посылал. Мы отнесли посылки на почту и занялись текущей работой. А через три недели началось...

28-го января мне позвонил корреспондент ТАСС Анатолий Кузярин, наш давний знакомый, и предложил встретиться. Встретились по законам детективного жанра - на улице, и пока гуляли вдоль его дома, он сообщил, что наши фотографии каким-то образом попали в горком партии. Как, откуда, зачем и почему – не знает. Его вызывали в горком как коммуниста и эксперта по фотографиям. Задавали вопросы о нас. Реакция на фотографии в горкоме неадекватная и нам надо быть готовыми ко всему. Ко всему... Озадаченный я вернулся в киностудию, собрал ребят и начальника студии Буянова Валентина Георгиевича, единственного на весь коллектив коммуниста, и того, на ком была ответственность за все, что происходит в стенах студии. Рассказал об услышанном. Заварили чай, стали думать, откуда и, главное, куда «дует ветер». Подняли список фотографий с последних посылок – все посланные фотографии были известными, ни одной новой. Информации для оценки ситуации не хватало. Решили, что Буянов сходит в завком партии и в цех, прощупает обстановку, а мы срочно займемся очисткой своих кабинетов от фотографий, не имеющих прямого отношения к профилю киностудии. Я в то время иногда вечерами снимал «ню», чего делать в производственном помещении не полагалось, т.к. по окончании рабочего дня оно должно было сдаваться под охрану. Но мы уже несколько лет работали допоздна, и уходили из студии часто за полночь, что было нарушением инструкции об охране, за которое начальник мог быть наказан. Внимательно перебрал все архивы, чемоданы и ящики с тысячами отпечатков, мы отобрали все «нерабочие» фотографии и разнесли их по домам.

На следующее утро, начальник уведомил нас о том, что никто ни в цехе, ни в парткоме завода ничего не знает, или делает вид, что не знает. Но все ведут себя обыкновенно. Одним словом – ничего подозрительного. Это было странно истораживающее. Но приблизительно через час неопределенность разрешилась: раздался входной звонок, и в студию ввалилась большая группа взволнованных женщин во главе с начальником ревизионного отдела комбината Бородиным. Главный ревизор уединился с Буяновым, а женщины толпились в просмотровом зале, с интересом рассматривая «фотографическую доску почета» и надписи под снимками. Вернувшись, Буянов объявил мне, Воробьеву и звукооператору, как материально-ответственным лицам, что ревизоры приехали с внеплановой проверкой наличия и сохранности материальных ценностей. Нам надлежало предоставить эти ценности для пересчета.

Женщин оказалось втрое больше, чем материально-ответственных лиц. Я извлек список числящегося на мне оборудования и материалов, открыл сейфы с аппаратурой, и троица приступила к сверке номеров и количества. В течение часа все было закончено. Но женщины стали вести себя странно - не уходили, оглядывались, что-то искали глазами. Я спросил, чего ищут.... Ответили, что фотографии. На удивленный вопрос «Зачем? Ведь они на материальном учете не состоят, являются «использованным расходным материалом» и мы по ним не отчитываемся...» ответа я не получил. Но тут подошел Трофимов Саша и на ухо сказал, что когда он спросил напрямую своих девушек-ревизорш что приказано искать, они по секрету сообщили, что их послали искать и изымать фотографии. Все встало на свои места, ибо за ситуацией замаячили "ослиные уши" партийных идеологов. Стало понятно, что задача ревизоров – собрать компромат. Я решил обострить ситуацию, чтобы посмотреть, откуда она инициирована, и кто за ней стоит. И потребовал от главного ревизора предъявить мне письменное распоряжение о проведении внезапной ревизии, как прописано в положении о таких ревизиях. Такого распоряжения у главного ревизора не было. Тогда я закрыл все помещения, за которые отвечал и потребовал, чтобы вся комиссия покинула студию и не приходила, пока не будет письменного распоряжения о проверке. Главный ревизор начал звонить в заводоуправление, а женщины вышли на улицу, но от двери в студию отходить далеко не стали.

Пока их не было, я настоятельно порекомендовал ребятам убрать с поля зрения максимальное количество любых фотографий, независимо от содержания. Мы не боялись, что у нас найдут какой-то «компромат на советскую реальность», какие-то «чернушные» сюжеты. Таких фотографий у нас их не было в принципе, поскольку никого из нас не интересовали ни бомжи, ни теплотрасники, ни алкоголики - ничего из того, что называлось «язвы советского строя» и как-то запрещалось к съемке. Понятно было, если комиссия вернется, то будут выметать все. Что могут начать выемку негативов, мы не подумали...

Комиссия вернулась, вернулась во главе с человеком, подписывавшим все наши зарубежные отправки, - с Миловацким. Он обратился ко мне с устным распоряжением предоставить комиссии все имеющиеся в студии фотографии. Отказаться выполнять распоряжение человека, который помогал нам в создании моста «Сибирь – зарубеж» и нес ответственность, партийную и административную, за содержание этого «моста» мы не могли, но выполнили его лишь частично. Никто из нас никаких фотографий предоставлять не стал. «Хотите найти – ищите. Мы веточки на свой костер сами таскать не будем». До вечера комиссия по нашему категорическому требованию описывала все изымаемые фотографии, а мы расписались на каждой из них. Изъято было около 700 фотографий, обнаруженных в чемодане, где хранился «технический брак», чтобы быть обработанным для извлечения серебра. В акте мы так и написали, что все изъятые фотографии – технический брак. Так оно и было - хорошо напечатанные фотографии каждый из нас хранил дома.

После отъезда комиссии мы сели пить чай и думать дальше. Понятно было, что количество изъятых фотографий «их» отчасти успокоит, ибо даст пищу... Но могут прийти и домой, под каким-нибудь формальным предлогом. За негативами или еще за чем... Хоть и не 37-ой год, не так все однозначно, но исключать ничего нельзя. Сошлись на том, что надо или уничтожить, или надежно спрятать весь имеющийся дома «самиздат». Как всякие нормальные люди своего поколения, мы читали «самиздатовские труды», периодически проходящие через наши руки. Все то достойное, что было напечатано в советских типографиях, нами было прочитано еще в юности. А вот сравнительно безопасные для «идеологов» Ремизов, Набоков, Розанов, Булгаков, Платонов, Стругацкие у нас были «самопальные»... Но кроме них, была более тяжелая «сроковая» литература: Солженицын в полном наборе, Надежда Мандельштам, Шаламов... Политическая литература нас не интересовала в принципе. С политикой в СССР и так все было очевидно и ясно... А вот с негативами и «самиздатом» как-то надо было поступить...

В пятницу 30-го января все добытые фотографии комиссия передала в заводскую многотиражку, редактор которой должен был разбираться в идеологических диверсиях лучше всех на заводе. Он пригласил себе в помощники Юрия Романова*** – цехового художника-оформителя и одновременно председателя худсовета местного фотоклуба «Сибирь», активными членами которого мы еще недавно были. Вдвоем они рассмотрели "улов" ревизоров и быстро дали ему «принципиальную оценку». Один – как принципиальный коммунист со стажем, другой – как не менее «принципиальный» фотохудожник, хоть и не коммунист. С этими оценками они приехали к нам в студию вместе с инструктором парткома Сенкевичем и корреспондентом ТАСС Кузьяриным. Походили по студии, познакомились с «фотографической доской почета» задали какие-то второстепенные вопросы. Слушали ответы как-то невнимательно, думали о чем-то своем. Я отвел инструктора в сторону и спросил «чего приехали». Наивный вопрос - даже зная, не скажет, да и запрещены разговоры с подследственными партийной этикой. Поэтому он пожал плечами и ответил что не знает... А вот Анатолий Кузьярин, воспользовавшись моментом, отвел меня в сторону и сообщил, что в его присутствии первый секретарь горкома Ермаков потребовал от

председателя городского КГБ изъять все наши негативы. На что председатель ответил, что не может этого сделать, т.к. никаких нарушений, за которые отвечает его ведомство, за нами не числится. «Имейте эти факты ввиду...» - закончил Анатолий. Через какое-то время «дорогие гости» уехали, а мы опять пошли пить чай и думать... Стало понятно, что негативы надо на какое-то время перенести в безопасное место. Хорошо, что рабочая неделя закончилась. Чтобы разобраться с "самиздатом", негативами и фотографиями у нас было два выходных дня...

**** - это не тот Ю.В. Романов (Юрий Владимирович), который в 90-х годах станет известным фотожурналистом, первым российским "стрингером", пройдет все войны и прочие "горячие точки" на территории России и, на основе собственного опыта выпустит книгу ["Я снимаю войну... Школа выживания"](#), которая будет помогать молодым репортерам снимать и выживать под пулями. И не тот свадебный фотограф Романов Юрий, который живет в Минске и имеет свой сайт. И не тот Ю.Н.(Юрий Николаевич) Романов, что в 2011 году трудится на престижной должности в сервисном центре Мерседес-Бенц в России. И не тот Ю.А. (Юрий Аскольдович) Романова, доктор биологических наук, директор по научным исследованиям «КриоЦентра». И даже не тот Романов Юрий Александрович, физик-теоретик, доктор физ.-мат. наук, профессор, что был привлечен к советскому атомному проекту в ядерном центре Арзамас-16. Это другой Юрий Алескандрович, тоже Романов, в то время художник-оформитель рельсобалочного цеха КМК, в свободное от работы время любящий путешествовать и фотографировать, бесценный председатель художественного совета фотоклуба "Сибирь" со дня его переименования, и в этой должности "несгибаемый идеолог" городского фотолюбительского движения, Он же - двоюродный брат профсоюзного деятеля Геннадия Моргунова, уведоившего нас о способе нашего увольнения с завода, изобретенном администрацией, и активно в увольнении участвовавшем...*

Позднее Володя Воробьев рассказал мне о вопросе, который он задал Юрию Романову в тот день. Он спросил, по какой причине Юрий называет наши фотографии "антисовестскими", ведь он же прекрасно знает, что это не так. На что получили ответ: "Во-первых, я - солдат. Мне приказали, и я делаю. А во-вторых, я на самом деле считаю их антисоветскими". Фраза "я - солдат, которому приказали..." достаточно известна, ибо использовалась в определенных случаях определенными людьми множество раз. К счастью для нас, такая готовность выполнить приказ была не ко времени, ибо на дворе был не 37-й, и даже не 53-й год, а уже 81-й... Другие наступили времена...

Субботней ночью Володя с женой и полным портфелем «запрещенного» поехал на свои «б соток» - палить компромат. Полночи гудела печь, глотая недочитанные и непрочитанные книги. А наутро весь снег вокруг дома был засыпан черными остатками не успевшей сгореть бумаги – тяга была слишком сильной. Пришлось затапывать... В ту же ночь на другом конце города я развел другой костер - для целого чемодана выбракованных по разным причинам фотографий. Фотобумага горела плохо и воняла жженой желатиной, я грустил - фотографии было жалко.

Спустя несколько лет я рассказал об этом Владиславу Запорожченко. Он ответил коротко, что весь чемодан надо было отослать ему. С тех пор фотографии я больше никогда не уничтожал.

В понедельник 2 февраля прибыла «высокая гостья из обкома» - зав. идеологическим отделом Шматкова. Гостью, темноволосую авторитетную женщину среднего роста, возраста и полноты, с внимательным и цепким взглядом сквозь припухшие веки, сопровождала свита наших знакомых из парткома. Женщина, как и предыдущий гость, ровным голосом задала «ритуальные» вопросы: «о зарплате», «о жилье», «на что жалуетесь?». После наших ответов, что «все нормально»,

«ритуал прощупывания противниками друг друга» закончился. Стало понятно, что разговор идет серьезный и каждое слово в нем имеет свой вес и свое значение. И со словами в разговоре надо поступать аккуратно.

Гостья внимательно просмотрела «фотографическую Доску почета». О наградах мы рассказывать не стали – 250 километров она приехала ради другого. Мы ждали, когда будет озвучено главное - «мнение из обкома». Гостья не стала огульно ругать фотографии, а жестким голосом посетовала на то, что они могли попасть в зарубежные страны и породить «неправильное представление о советской действительности». Возразить было нечего. Какое представление о советской действительности "правильное", она знала лучше нас. Но мы напомнили, что все коллекции перед отправкой на выставки просматривались «нашими старшими товарищами, коммунистами с большим жизненным опытом». Кроме того, посылки высылались не каким-то контрабандным, тайным путем, а официально, с выполнением всех установленных государством процедур. «Будь иначе – с вами разговаривали бы в другом месте и другие люди...» - жестко заметила гостья, лишив нас последних иллюзий... Свита из парткома на этот раз лишь согласно кивала. На том встреча и завершилась. Гостья и сопровождающие уехали, а мы заварили чай и стали размышлять.

Наш "диагноз" был доведен до нашего сведения. Понятно стало, что наша деятельность рассматривается партийными идеологами как, мягко говоря, недружественная. Но как она воспринимается: как ошибочная или как враждебная, - мы не понимали. Как и в какой момент мы оказались «по разные стороны баррикад», тоже было непонятно. Ведь никто из нас фотографов не противопоставлял себя ни режиму, ни обществу, не интересовался его «язвами», не собирал «фотографический компромат». Так что, «партийный диагноз» требовал уточнения. Собственно, что думают о нас в обкоме, нам было малоинтересно. Но вот какие обком инициирует «оргвыводы» в местных парторганах, было важно, ибо к именно к ним надо быть готовыми. Чтобы снять вопрос овнимании со стороны КГБ, решили в ближайшее время навести справки, нет ли претензий с их стороны...

Гостья из обкома запустила "колесо оргвыводов" на городском уровне и со следующего дня "колесо покатило". Начальника студии и единственного среди нас коммуниста Буянова В.Г. вызвали на заседание заводского парткома. Там потребовали объяснений, как в его присутствии так долго могли активно действовать «эти антисоветчики». Валентин Георгиевич возразил, что «это не антисоветчики, а профессионалы высокого класса и т. д.», а в завершение сказал, что ему "легче расстаться с партбилетом, чем с этими людьми». Расстаться с билетом ему не позволили и объявили самый «строгий выговор с занесением» за политическую близорукость. Тут же приняли решение оправить ходатайство в горисполком об отмене регистрации творческого коллектива «ТРИВА», администрации комбината рекомендовали студию расформировать, а фотографов уволить...

По заведенной традиции «слоны и дыни» раздавались сверху вниз согласно ответственности. Формально нас наказать было не за что, ибо мы никаких запретов или инструкций не нарушили, сработкой справлялись более чем хорошо. Но, судя по тому, какой гнев обрушился на нашего начальника Буянова, то же самое, то есть увольнение, ожидало и нас. Да и вряд ли кого-то из «подписантов» миновала тяжелая рука секретаря горкома Ермакова. Памятливый был человек... Ну да ладно...

В пятницу нас вызвали в знакомый кабинет, на столах которого мы еще совсем недавно раскладывали свои фотографии и откуда они отправлялись на зарубежные выставки. Хозяин

кабинета Николай Митрофанович Миловацкий* объявил нам о решении администрации, которое полностью совпадало с рекомендациями парткома завода: студию закрыть, ее начальника Буянова перевести в заводскую лабораторию, нам – с комбината уволиться. Мост «Сибирь – зарубеж» свое существование прекратил.

** Пока готовил материал для статьи, поднял информацию о Миловацком Н.М. Оказалось, что он – ровесник моей матери, а родились мы с ним в один день... Факт интересный...*

ЛИКВИДАЦИЯ

В ожидании приказа об увольнении мы вернулись в студию и начали готовиться к «приятному» событию. Дел было много: найти фотографии, собрать личные вещи, рассортировать, упаковать негативы. Несмотря на запрет приносить на работу личную аппаратуру, мы пользовались только своими фотоаппаратами, т.к. казенные отечественные "Зениты" и "Киевы" не могли удовлетворить наши профессиональные запросы. За много лет работы в режиме полной отданности своей профессии студия стала для каждого из нас вторым домом. Своими руками мы переоборудовали все помещения студии так, чтобы работать было максимально комфортно. У каждого из нас была своя отдельная комната оборудованная "под себя", где можно было при необходимости, уединиться и поразмышлять. Одна комната, самая большая, предназначалась для общих встреч, с гостями и друг с другом. Там стоял длинный стол, диван и полки со специальной и художественной литературой.

Благодаря мягкому неконфликтному характеру Буянова Валентина Георгиевича психологическая атмосфера в коллективе оставалась дружественной. Рожденный 8 марта, в Международный женский день, он никогда не отдавал распоряжений, предпочитая оформлять их в виде просьб. И мы по собственной инициативе, все контакты, требующие продавливания, выбивания, доставания, и выколачивания переложили на свои плечи.

Праздники и дни рождений отмечались нами внутри коллектива. С какого-то момента женщины приспособились даже обеды в студии готовить. Года с 1978-го, по взаимному решению мы резко бросили приносить на праздники спиртные напитки. А год спустя в один из дней все мужчины разом решили больше не курить. Каждый из нас сражался с привычкой по-своему, но курить перестали все. Восьми часов рабочего дня нам конечно не хватало. Задерживались дотемна, иногда - за полночь. В студии было много наших личных вещей: инструментов, книг, аппаратуры. Ведь она была нашим общим домом, в стенах которого родилось и жило наше творчество... Расстаться с таким местом было непросто. И мы решили переложить все трудности незаконного увольнения на администрацию завода. Хотят уволить – пусть делают это сами... А мы посмотрим, как это будет происходить, и подумаем...

Через две недели бюро горкома партии утвердило решение обкома, привезенное «высокой гостьей» и под ее диктовку озвученное парткомом завода. И не только утвердило, а рекомендовало провести на предприятиях города партийные собрания, где довести до сведения коммунистов, что «в городе действует группа фотографов, снимающих изъяны нашей жизни...» - и так далее. Об этом, года три спустя рассказал рабочий одного из заводов, который присутствовал на таком собрании. Вместе с ним мы улыбнулись этой новости. Позже, вспоминая реакцию людей на фотографирование, нахожу лишь пару-тройку случаев, когда она была неадекватной. И только у руководства.

Через несколько дней нас вызвал к себе председатель профсоюзного комитета завода Геннадий Моргунов, недавно занявший это кресло. Мы обрадовались предстоящей встрече, т.к. знали Геннадия и по фотоклубу, и по походам. Надеялись на взаимопонимание и поддержку. Напрасно надеялись. Геннадий, как и его двоюродный брат Юрий Романов, тоже оказался "солдатом, исполняющим приказ, которому приказали". Поэтому главный «защитник рабочих» в жесткой форме потребовал от нас не нервировать начальство и как можно быстрее уволиться с завода. Посетовав, что не 37-й год, стогдашними "расстрельными" возможностями, он короткими грубыми словами обрисовал нам действия администрации при нашем отказе: студия ликвидируется, мы все увольняемся, через какое-то время студия вновь открывается, но с другими людьми. А можно просто заменить начальника и дать ему задание подловить нас «на статье». Шансов у нас нет никаких. Нам всё понятно? Мы ответили, что более чем понятно и ушли.

Через год с небольшим новый начальник отдела кадров для нашего увольнения воспользуется сразу обоими сценариями, творчески объединив их в один клубок... Но это будет только через год...

В череде этих непростых дней из Москвы пришло известие, обрадовавшее и вдохновившее нас. Сотрудник «Советского Фото» Александр Аксенов сообщал нам, что статья о нашей фотогруппе выйдет в февральском номере журнала. Мы не стали рассказывать ему о разыгравшихся событиях, дабы не влиять на выход статьи, появление которой могло сильно упрочить наши позиции.

Через неделю свою лепту в борьбу с нами внес и начальник цеха ЦКЛК Данилов, в штате которого мы состояли. При очередном продлении заводских пропусков на фотоаппаратуру, нам троим пропуска продлены не были. Таким образом была нарушена одна из статей КЗОТа, - «незаконное препятствование исполнению профессиональных обязанностей». У нас появился шанс обжаловать действия администрации и мы решили этим шансом воспользоваться. Сначала позвонили в горотдел КГБ, майору, курировавшему режимность на комбинате, и попросили встретиться. При встрече спросили, каковы основания для отказа в оформлении заводских пропусков. Сотрудник ответил, что никаких претензий его ведомство к нам не имеет, а отказ в выдаче пропусков, скорее всего, инициатива администрации. Тогда мы позвонили в горком партии, секретарю по идеологии Тарасовой и попросили «защитить фотографов от административного беспредела»...

Разговор с Элеонорой Филипповной был нелегким. Мы рассказали ей о действиях администрации завода, провоцирующих нас на увольнение, намекнули на то, что оценка деятельности фотогруппы администрацией комбината не совпадает с мнением специалистов журнала «Советское Фото». В ответ она довольно предвзято прокомментировала несколько наших фотографий, упирая на их идеологическую непрозрачность и двусмысленность. Разговора не получилось. Видимо и по ней прошла «тяжелая рука оргвыводов». Надеяться на хоть какую-то, даже формальную, защиту с ее стороны, было бессмысленно.

ПОИСК ЗАЩИТЫ

А защита нам была нужна, ибо ситуация для нас складывалась непросто. Меня, студента-заочника последнего курса, по КЗОТу тех лет не могли уволить даже при ликвидации подразделения, а обязательно должны были трудоустроить, да не абы куда, а по

специальности и с сохранением оклада. Такое положение дел не позволяло администрации завода напрямую осуществить угрозы, озвученные профсоюзным лидером Моргуновым. Хотя, кто станет считаться с КЗОТом при "сведении счетов"? А вот семья Воробьевых работала в киностудии в полном составе и жили в квартире, полученной от завода. Формально при их одновременном увольнении администрация могла потребовать возвращения жилплощади. На всякий случай мы решили заручиться поддержкой Москвы, и рассказать обо всем в редакции «Советского фото». Его редакторское кресло много лет занимала Ольга Васильевна Суслова, невестка «главного идеолога» Советского Союза Михаила Суслова, жена его сына Революя, генерала КГБ. Ее поддержка была бы нам весьма кстати.

Мы решили пропробовать. Володя Воробьев написал [«СПРАВКУ о работе фотогруппы «ТРИВА»](#), в которой последовательно, и датами, именами и фамилиями, изложил произошедшую с нами историю. Проездом на сессию, через Москву в Питер, я зашел в редакцию "СФ", рассказал пару слов о ситуации в отделе фотолюбительства его заведующему и парторгу журнала Михаилу Леонтьеву, и поинтересовался на месте ли редактор. Узнав, что на месте, прорвался через Чудакова (зам. редактора со странной фамилией и вполне определенными функциями) в ее кабинет. Ольга Васильевна за столом просматривала номер журнала. Представился, что мол фотограф группы «ТРИВА» из Новокузнецка, о которой в предыдущем номере писал журнал. Она ответила, что прекрасно помнит хорошую [статью Парлашкевича](#), и наши великолепные фотографии. Я поблагодарил и посоветовал на то, что именно за эти фотографии нас увольняют с завода, считают их порочащими честь и достоинство советского человека. Она нахмурилась, ибо такое мнение местных властей о материале, опубликованном в ее журнале, выглядело покушением на авторитет союзного издания. Чтобы не отнимать ее время, я передал ей заранее подготовленную [«Справку о «ТРИВА»](#), и попросил ее помочь, чем сможет. Она ответила: «Езжайте и учитесь спокойно, мы разберемся...»

Спустя некоторое время я позвонил из Ленинграда в Новокузнецк и Воробьев сообщил мне, что активные действия со стороны администрации прекратились, всем выдали пропуски на завод, а знакомые из местного «комитета ГБ» сообщили, что из Москвы пришло указание оставить нас в покое. Обращение к главному редактору сработало.

ПАРТИЙНЫЙ ЗАКАЗ

Вернувшись из Ленинграда я обнаружил, что ситуация в студии почти не изменилась. Правда, серьезные задания нам давать перестали, но и давление со стороны администрации прекратилось. Мы продолжали заниматься своим главным и любимым делом – фотографировали. Очень активно работали в цехах, понимая, что скоро заводская площадка станет для нас недоступной.

Летом 1981 года произошли два знаковых события в наших отношениях с городской властью. Перед днем города, который праздновался в июле, нашему начальнику позвонил инструктор Центрального райкома партии и попросил фотографов студии поучаствовать в оформлении городского праздника – Дня рождения города. Начальник передал эту просьбу мне. Я ответил, чтобы на нас партия не рассчитывала, ибо сама записала нас в число своих противников. Инструктор позвонил вторично, я ответил, что кроме нас в городе есть еще достаточно разных студий, способных выполнить заказ. А через какое-то время в студии появился второй секретарь райкома партии Ярушин и обратился к нам с «личной просьбой» - отснять лучшие коллективы города и изготовить большие фотографии. «Никто, кроме вас, за такое короткое время эту работу не сделает» - закончил он. Дальше упорствовать было глупо, ибо

фотосъемка под "партийным прикрытием" нам была очень выгодна. Наши условия были такими: письмо на бланке райкома партии с просьбой оказывать содействие в проведении съемок и каждое утро автомобиль к подъезду. Поначалу ребята "работать на партию" отказались, но поняв, что смогут попасть с фотоаппаратами на предприятия, где не были ни разу, да еще с «бумагой от райкома», стали заряжать кассеты пленкой.

Эти две недели были, пожалуй, самым интенсивным периодом нашей работы. Мы приезжали на предприятие, представлялись начальству и с сопровождающим отправлялись в цеха, на рабочие места. Контролировать, что попадает в объектив фотоаппарата невозможно, а потому сопровождающие нам почти не мешали. Да и не мог один сопровождающий сладить с двумя или тремя фотоаппаратами. Одним словом, с «заданием партии» мы справились. Фотографии большого размера отпечатали, получили от Ярушина устную благодарность и на том расстались. Но лучшим подарком, который нам преподнесли власти, была возможность поснимать на предприятиях города, куда вход с фотоаппаратом был затруднен, а для нас – просто невозможен. Это мы поняли во время фотосъемки на городском молочном заводе.

Подъехав на райкомовской «Волге» к гормолзаводу мы поднялись в приемную директора и предъявили бумагу от райкома. Директора на месте не оказалось, к нам вызвали главного технолога завода, которому мы, как и везде, изложили свою задачу: по заданию райкома партии сделать снимки для городской Доски Почета в цехах предприятия. Женщина-технолог напряглась, но белые халаты нам выдала, и мы отправились в поход по цехам. Технологический процесс стерильностью не отличался и главный технолог сильно нервничала. Замечая, что аппарат направлен «не в ту сторону», она хватала нас за рукав и пыталась увести в другое место. Нам ее поведение сильно мешало. Тогда мы стали действовать в паре: пока один разговаривал и задавал вопросы, другой ходит по цеху и снимал, потом мы менялись местами – один задавал вопросы, а другой в другом конце цеха снимал. На фото [«Сливки»](#), сделанном во время этой экскурсии, видна главный технолог, бегущая по цеху, чтобы помешать мне сделать фотографию. Нам повезло: мы успели закончить съемку и направились к выходу из цеха, когда показался раздраженный директор завода. Грубо спросив главного технолога о причинах «появления на предприятии посторонних» и не слушая ее ответа, он потребовал, чтобы мы немедленно покинули его завод. Такому жесту мы удивились, списав на строгость санитарного режима. Лишь спустя некоторое время мы поняли, что это была реакция руководства на информацию горкома партии «о группе фотографов». Но факт остается фактом: только благодаря заданию райкома партии мы смогли изрядно пополнить свои фотоархивы и выставочные коллекции.

А через несколько дней я невольно стал свидетелем завершения истории с "партийным" заказом. Накануне дня города чувствовал я себя неважно, в теле поселилась какая-то хворь. Но в студии не сиделось, внутренний импульс гнал на улицу. И я отправился на городской стадион

понаблюдать за репетицией мероприятия. Как правило, во время репетиций и тренировок случались разные интересные с точки зрения фотографии события.

Пришел не зря - на беговой дорожке стадиона большая группа ветеранов-орденоносцев пенсионного возраста репетировала торжественное прохождение мимо гостевой трибуны. Во главе колонны маршировал председатель Комитета ветеранов и по «матюгальнику» командовал: «левой... левой... левой...». Рядом с колонной медленно полз автомобиль «Скорой помощи» - на случай, если кто из этой колонны выпадет. [«Редкая ситуация»](#) - решил я. Преодолевая головокружение, забрался на тумбу и дважды нажал на спуск затвора. После этого в полузабытьи с полузакрытыми глазами медленно побрел к Саду металлургов, где были установлены фотографии, сделанные нами по «партийному заказу». Нужно было проверить, правильно ли они наклеены и развешаны... Впереди меня шла пара: высокий мужчина и стройная женщина, которая на ходу что-то выговаривала мужчине... Чтобы не разбирать дороги я пристроился за парой, справедливо решив, что все препятствия на своем пути они обойдут. А с ними их обойду и я. Женщина шла быстро, бросая виновато молчащему мужчине резкие фразы. Они-то и привлекли мое внимание: «Вы знаете, что они наши идеологические противники!.. И вы пошли с ними на сотрудничество!.. Обратились на помощь! Это серьезная ошибка!..». «Вот, - подумал я, - и там идеологические войны. И у кого же это? » Остановился и поднял глаза на пару. От меня удалялась спина «главного идеолога» горкома партии Элеоноры Филипповны Тарасовой в сопровождении секретаря райкома Ярушина, пару дней назад поблагодарившего нас за своевременно исполненный заказ. Еще раз Судьба продемонстрировала нам всю беспочвенность наших надежд на примирение с властью. Как бы мы к власти не относились, наши имена уже были занесены в списки ее противников. Навсегда, поскольку партия была вечной, а ее дела – бессмертными. Тогда, в 1981 году мы не знали, что всего через год среди Генеральных секретарей начнутся «гонки на лафетах», а еще через 10 лет и КПСС, и сам СССР исчезнут.

СУДЬБА ФОТОГРАФИЙ

Пришло письмо от Запорожченко, в котором он интересовался судьбой задержанных фотографий и предлагал выяснить в горкоме их судьбу.

Неделю спустя мы, по совету Владислава Запорожченко, решили окончательно решить вопрос с задержанной коллекцией. Я позвонил в горком партии и, узнав, что Тарасова на месте, неожиданно появился в ее приемной. Попросили подождать в коридоре. Минут через двадцать Тарасова, получив последнюю информацию о нашей ситуации, пригласила меня войти. Поинтересовалась о делах, не мешают ли работать. Ответил, что пока не мешают, но дело у меня другое, касающееся задержанной коллекции, если она еще в горкоме. Тарасова подтвердила, что в горкоме. Тогда я предложил привести отношения обладателей фотографий и их авторов в соответствие с законодательством об авторском праве. Если фотографии больше не нужны, мы готовы их забрать. А если они должны остаться в горкоме, то мы готовы подписать дарственные на все фотографии задержанных коллекций. Элеонора Филипповна напряглась, но отведила ровным голосом, что "они посоветуются". Я попрощался и отправился в студию...

Не успел войти, как начальник студии Буянов сообщил, что меня немедленно вызывают в КГБ. Отправился в комитет. У дежурного меня уже ждал майор-куратор КМК, чтобы сопроводить к начальнику, который меня и вызывал. Начальником оказался внимательный спортивного вида мужчина средних лет и незапоминающейся наружности. «Мы решили создать у себя в управлении Доску Почета лучших людей города. Лучше вас эту работу никто не сделает». Я насторожился, - был в этой повторной просьбе властей какой-то скрытый смысл. Поблагодарив за высокое мнение, ответил, что мы готовы взяться за работу при двух условиях: заказ будет

оформлен через партком завода, ведь фотографировать мы будем в рабочее время, и у нас будет документ КГБ с просьбой оказывать помощь в проведение съемок. Начальник управления согласно кивнул. «Кстати, - сказал он на прощание, - мне звонила Элеонора Филипповна. Пожаловалась, что вы ей угрожали...». Причина вызова в комитет перестала быть тайной. Но сама трактовка встречи в горкоме меня удивила. Непонятно было, кто блефует – хозяин кабинета или женщина из горкома. Ответил, что всего лишь предложил оформить передачу фотографий в горком согласно закону об авторских правах. Начальник управления порекомендовал больше о фотографиях не беспокоиться, ибо находятся они не в горкоме, а в управлении. С тем и расстались. И с тех пор, Слава Богу, больше не встречались...

ОСАДНОЕ ЗАТИШЬЕ

Весь год мы провели в киностудии, как в осаде. На работу приходили вовремя, отзванивались в цех и в партком, есть ли задание. Заданий, естественно, не было. После отзвонки действовали по собственным планам. Со стороны цеховой администрации дважды были сделаны поползновения на наше увольнение – присылались какие-то невнятные цеховые распоряжения... После очередного такого распоряжения я позвонил нормировщику и посоветовал внимательно прочитать КЗОТ в той части, что касается заочного обучения работника в ВУЗе и правил его увольнения. Больше бумаги из цеха не приходили. В противоборстве сторон наступила внешне видимая пауза. Скорее всего, заводское и партийное начальство решили подождать, пока я получу диплом. Таким образом, заключительная фаза нашего увольнения отодвинулась еще на полгода.

С начала 1982 года до его середины я находился в Ленинграде, писал диплом. За это время Запороженко познакомил нас с наиболее активными фотографами «новой волны», работающими в Москве: Слюсаревым,

Савельевым, Рыбчинским... С Владимиром Семиным и Валерием Щемляевым мы были знакомы ранее. Несколько раз мы встречались все вместе в маленькой комнатке детского

фотокружка в том же доме, где жил Семин. Встречи обставлялись вполне конспиративно - вход-выход по одному, условный стук в окошко. Опасались не «органов», а неожиданного

визита людей из ЖЭКа. Ночевали там же, на столах, с соблюдением конспиративных формальностей. Польза от встреч была в том, что в нас исчезало чувство одинокого, а потому безнадежного противостояния «системе» и ее идеологии. Мы видели фотоработы, подобные

нашим, встречались с их авторами, и убеждались в том, что снимками со страниц «Сов. Фото», скучными и, мягко говоря, неправдивыми, советская фотография не исчерпывается.

В Ленинграде судьба свела меня с некоторыми фотографами фотоклуба «Зеркало», которым руководил

бывший подводник Евгений Раскопов. Клуб тоже не вписывался в традиционно унылый ленинградский ландшафт «социалистического реализма», чем был интересен для всех, кто интересовался не только «Советским Фото». Идеологический прессинг во времена секретаря обкома Романова, в отличие от времен его царственного однофамильца, напоминал всепроникающий асфальтовый каток, но подводник Раскопов не только «держал» это давление, но и умело маневрировал в нем. Клуб даже фотовыставки устраивал. На журфаке ЛГУ нашими фотографиями увлекся фотоисторик Владимир Никитин и даже устроил мне пару встреч со своими студентами. Одним словом, мы ощущали поддержку со стороны заинтересованных фотографией зрителей, и это давало нам силы на продолжение съемки.

УВОЛЬНЕНИЕ

Успешная защита диплома одновременно лишила меня защиты со стороны КЗОТа. И когда я вернулся из Ленинграда полноценным киноинженером, администрация завода с удвоенной силой возобновила действия по выдавливанию нас с комбината. За полгода ситуация поменялась. Видно было, что собрания в партийных коллективах оказали свое действие и на наших знакомых, поставив их перед выбором: или дружба, или партийная лояльность. Многие выбрали дружбу, но не все... Смешно и грустно было наблюдать, как человек, издавек заметив нас и желая избежать встречи, поспешно переходил на другую сторону улицы. Другой наоборот, не здороваясь, во всеуслышание выговаривал нам о том, что мы ошибаемся, что вокруг все иначе... И то, и другое выглядело фарсом, лишь подтверждая известный закон о повторяемости исторических событий. Времена трагедий и в нашей стране, и в нашем городе давно закончились, начались времена фарсов. Наблюдать за ними со стороны было уже безопасно, а участвовать – смешно...

К тому времени был отправлен на пенсию начальник отдела кадров завода Караванов Семен Павлович, советы которого мы использовали в противостоянии с начальством. Володя Воробьев, после долгих размышлений, ушел с комбината переводом в Геологическое управление, сохранив за собой квартиру. Его жена Галина, работающая фотолаборанткой, осталась. Я предложил ей без отождествления прожить предлагаемый Судьбой опыт увольнения по политическим мотивам... К тому времени в Отделе научно-технической информации (ОНТИ) завода, было создано подразделение, аналогичное киностудии, с теми же функциями. По КЗОТу при таком переподчинении подразделения, нас должны были перевести в него приказом по заводу, уведомив об этом и сделав новую запись в трудовой книжке. Но, в нарушение КЗОТа, на наши штатные должности уже были выписаны и приняты «молодые выпускники»

областного "кулька" - института культуры. Все ровно так, как и обещал нам год назад профсоюзный деятель и «правозащитник рабочих» Гена Моргунов. Наверное, молодые люди с воодушевлением и, возможно, с радостью восприняли столь лестное предложение – возглавить фотослужбу крупнейшего металлургического комбината. Скорее всего, они и знать не знали, что такая служба на комбинате уже давно существует, и работают там неплохие люди, хорошо владеющие своей профессией. Вряд ли кто-то уведомил об этом вчерашних студентов, как впрочем, и о той незавидной роли штрейкбрехеров, сыграть которую им было назначено администрацией завода. Хотя, могли и сами догадаться, или спросить в фотоклубе, или у нас на худой конец... «Мальчики» выглядели достаточно взрослыми...

Как бы там ни было, а в один из дней середины лета в киностудии появился рыжий человек с круглыми глазами и повадками мелкого начальника. Он по-хозяйски прошелся по студии, заглядывая во все уголки и раздавая замечания направо и налево. Мы в недоумении переглянулись и поинтересовались у Буянова, кто этот бесцеремонный мужчина. Валентин Георгиевич ответил, что он - начальник отдела, куда передают нашу студию и всех нас. И пришел он не из праздного любопытства, а «знакомиться с коллективом». Стало понятно, что перед нами «засланный казачок», распираемый желанием покуражиться, «поплясать на костях». Поплясать не получилось – не дали... В довольно жесткой форме я объявил Буянову, что «он – мой прямой начальник и менять его на «этого рыжего хама, заглядывающего мне в рот, не стану ни при каких условиях», и попросил начальника «вывести гостя из студии наружу». После тяжелой паузы и обмена не менее тяжелыми взглядами рыжий человек направился к выходу. Насколько мне помнится, фамилия его была Ситников. Впрочем, мог запомнить, а потому буду писать «Ситников»... Вдруг не он или фамилия другая...

Через месяц, новый начальник отдела кадров комбината, мужчина средних лет, невыразительной в отличие от предшественника, наружности, вручил нам «под роспись» приказ «о ликвидации группы технического фотографирования и направлении высвободившихся работников в распоряжение ОНТИ». К тому самому рыжеволосому «Ситникову», что неудачно приходил знакомиться. На этот раз задача «Ситникова» была простой: любым способом добиться от нас отказа на продолжение трудового договора. Продолжать работать мы не собирались, ибо понимали, что не дадут. Оставалось только попробовать при встрече предупредить «молодых специалистов» о той незавидной роли, что на них возложена.

В кабинете начальника ОНТИ меня встретили двое: «Ситников» и Сергей Ш. «молодой специалист» из Кемеровского «кулька». Сергей, подталкиваемый в спину взглядом начальника, представился и спросил, согласен ли я работать на рабочей должности фотографа. Я ответил, что понижать меня в должности с инженера до рабочего незаконно, а единственное место, которое мне может быть предложено, то, на котором сидит он сам - Сергей Ш. «Поэтому, прежде чем предлагать мне работу, Вам самому надо рассчитаться, чтобы место мне освободить. Да и начинать свою трудовую деятельность со столь неблагоприятного поступка бессмысленно, ибо ничего хорошего не выйдет». В глазах Сергея мелькнула растерянность и непонимание, но «Ситников» выручил «молодого начальника» и потребовал подписать отказ. На том и расстались. С тех пор и по сей день, несмотря на единство профессий, отношения с Сергеем Ш. у нас так и не сложились. Мы так и остаемся «по разные стороны баррикад»...

В СВОБОДНОМ ПОЛЕТЕ

Итак, Судьба поступила мудро. Она позволила нам вырасти и окрепнуть в надежных стенах студии, затем проверила нас на прочность «коммунистическим катком», а по окончании роста,

разрушила наше "фотогнездо", отправив каждого из нас в свободной фотографический полет. Взрослеть нам предстояло в этом полете. Именно свободном, ибо никто не конфисковал у нас ни фотоаппараты, с помощью которых «собирался компромат на советских людей», ни негативы, на которых этот «компромат» был запечатлен. Никто не останавливал нас на улицах строгим вопросом – «чего мы тут снимаем?». Никто, как оказалось, не помешал нам устроиться на работу в другие организации. Похоже было, что времена жестких, смертельных для одной из сторон, идеологических противостояний миновали. Жизнь в городе текла своим чередом и только по изменившемуся составу наших знакомых, мы догадывались, что «внимание» к нам перешло в «дистанционную» фазу. "Адреса-явки-

пароли" были всем известны и при необходимости найти нас было довольно просто. Но... никто нас не искал, мы вышли из фокуса внимания «запретителей». Такая внешняя мягкость «партийного приговора» скорее всего объяснялась тем, что все «карательные меры» были инициированы не идеологическими причинами, а личными мотивами тех людей-начальников, которые получили разные взыскания за «недостатки в работе с кадрами». Возможно даже, что основная «карательная инициатива» исходила от главы горкома партии Ермакова, получившего «разгон» от хозяина обкома за

подведомственных ему фотографов. Эти «разгоны» по нисходящей служебной линии докатились до более мелких партийных и прочих чиновников, а потому каждый из них, будучи задетым, посчитал возможным бросить в нас и свой камень... Всем остальным до нас не было никакого дела. Так иногда бывало... Так могло быть и в нашем случае...

Александр Трофимов выбрал свое направление движения, свою компанию, которая никак не совпадала с нашей. С тех пор мы встречались довольно редко и только по «фотографическим случаям».

Труднее всех пришлось нашему начальнику Буянову Валентину Георгиевичу, человеку, на котором держалась атмосфера в коллективе фотостудии. Он очень болезненно переживал свое понижение по должности. Не из-за привязанности «к чинам», а потому что чувствовал свою нужность в студии и, главное, нашу коллективную потребность в нем. После закрытия студии хранить стало некого, и Валентин Георгиевич оказался невостребованным. Через год-полтора он заболел традиционной для нашего города болезнью – онкологической, и на праздник Покрова Пресвятой Богородицы покинул этот мир, ясно показав нам ту роль, которую выполнял в нашей жизни – роль Хранителя, укрывающего от чужих глаз то, что должно быть сокрыто... Он стал жертвой этой организованной травли... Слава Богу, единственной... Мир его праху...

Мы с Володей Воробьевым остались «в связке», часто встречались в его квартире, где за традиционным чаем пытались осознать «что есть фотография»... Через какое-то время Володя выбил под меня должность кинооператора в ЗСГУ, где он работал. Вдвоем мы убедили начальство в необходимости создать полноценную кинофотолабораторию, а получив согласие, нашли и своими руками переоборудовали под нее обширное подвальное помещение с отдельным входом. Опять мы были вместе, правда вдвоем, у нас была своя фотостудия и мы могли довольно свободно распоряжаться своим рабочим временем.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Началось время «работы в стол». Мы прекрасно понимали, что обо всех зарубежных фотовыставках надо забыть, ибо и мы, ни наши фотографии стали "невыездными". Никто, кроме нас и наших друзей наши фотографии не увидит, ибо никто в стране не возьмет на себя смелость представить фотоработы «диссидентов» глазам зрителей. Это неукоснительно отслеживается «зорким партийным глазом». И так будет до тех пор, пока живо дело Ленина и его партия – это мы не только понимали, но и ощущали... А дело и партия собирались жить вечно... Одним словом - никаких перспектив...

Опять Судьба создала для нас уникальную ситуацию. Уникальность состояла в том, что из нашей жизни исчезли мотивы, порождающие «внутреннего цензора» - "заказ" и "разрешение". Мы могли без ограничений снимать все, что считаем нужным, и так, как это нужно нам. Никаких ценностей, кроме внутренних мотиваций. Никто не ждал от нас фотографий, никто нам их не заказывал. Мы могли сутками напролет, в том числе и на работе, заниматься тем, что нам было важно и интересно – фотографией... А могли - литературой, философией, медитацией... Могли – политикой, но она была нам совершенно неинтересна.

Думаю, что в жизни любого творческого человека однажды наступает момент, когда он начинает ощущать настоятельную необходимость самоопределения. Творческого самоопределения – в котором вопросы о мироустройстве, о месте его Музы в этом мироустройстве, и о месте самого художника в поле творчества Музы являются базовыми. Невозможно посвящать всю жизнь творчеству не понимая, ДЛЯ ЧЕГО оно попущено Господом к существованию. Для каждого из нас однажды приходит время искать и находить свое место в Мире, в Космосе, на Планете – там, где нет ни общества, ни нем более государства... А в фотографии -творчестве, напрямую связанном со временем, а через него, и с Вечностью, и одновременно необыкновенно социализованном, такое самоопределение чрезвычайно важно... «Чему и кому служить?», и «зачем ему служить?» - вопросы, поиск ответа на которые изменил не одну творческую судьбу... Ответы на такие вопросы обычно лежат в пространстве духовных традиций. Творчество – божественный Дар, и оно невозможно без знания, чувствования, предощущения Творца.

Такое время наступило и в нашей жизни. Мы всерьез занялись духовной, религиозной и философской литературой. Занялись ее поисками, изготовлением, и чтением... Так в подвале под музучилищем возникла одна из «точек самиздата». Книги переснимались «Лейкой» на самодельном, почти профессиональном, репродукционном станке и печатались на фотобумаге в паре-тройке экземпляров – себе и заказчику...

Тогда же мы начали осознавать базовую значимость документальной стороны фотографического изображения. Увидев однажды фотографию Туринской Плащаницы мы поняли что перед нами - первая в мире фотография, точнее – на ее негатив. Исторический факт Божественного Присутствия, а точнее – события "Ухода в Радужном Теле", как именуется оно в буддистской традиции, был представлен и нам, фотографам, живущим в Сибири. Явление вневременного Существования нематериального мира, отпечаток которого сквозь века хранится в человечестве, потребовало от нас переосмысления и роли фотографии, и роли фотографов, и своей роли... Но никакой литературы на русском языке, где сколь-нибудь серьезно рассматривалась фотография, как область культуры, область творчества, не существовало. Как и самой профессии – «фотограф». "Работниками идеологического фронта" и СМИ к фотографии была прочно припиlena табличка «средство и способ». Посему всю нужную для

жизни философию фотоискусства нам пришлось изыскивать и прояснять во взаимных разговорах и диспутах .

ДОКУМЕНТ МЕСТА И ВРЕМЕНИ

А пока мы работали у геологов, довольно много ездили по разным городкам и геологическим партиям. В этих поездках мы стали более внимательно относиться к возможностям, что давала нам Судьба. Теперь, выезжая в командировку в другой город, прибывая в новое место, мы ставили перед собой задачу-минимум – попытаться создать фотографический «документ места и времени». Усложняя задачу, мы рассматривали себя «делегатами от фотографии», а свое присутствие с фотоаппаратами – как возможность для Места сделать свой Фотопортрет, этакий «документ на паспорт». Кроме того, мы предполагали, - может оказаться так, что после нас больше никто и никогда с аппаратом здесь не появится, а значит «надо снимать пока есть время и пленка». Такая постановка задачи требовала от нас постоянной готовности к восприятию ситуаций, к съемке в течении 2-3 секунд. Аппарат в кофре не носился - слишком долго вытаскивать. Он был жестко пристегнут ремнем к запястью и прятался в холщовую «сумку-побирушку». Все предустановки выдержки и диафрагмы, вплоть до предварительной наводки на резкость, делались пальцами правой руки, к которой аппарат был пристегнут. Для того, чтобы сделать кадр достаточно было поднять аппарат к глазу, сумка сползала на руку, раздавался щелчок, и через секунду аппарат исчезал в сумке. Светопропускание у "штатников" "Лейки" максимальное и ошибка по экспозиции даже в две ступени позволяла

получать удобоваримые негативы.

На грамотно проявленной пленке разумеется. Зимой же аппарат носился слева подмышкой, как пистолет.

Стены наших квартир заменили нам выставочные залы. Достойные фотографии распечатывались, оформлялись в рамку, развешивались на стены, где вступали в конкуренцию с другими не менее достойными снимками. Через какое-то время самые слабые из них исчезали в одной папке, а сильные – в другой. Так происходил отбор лучших фотографий.

Для того, чтобы как-то осмысливать периоды новых восприятий и подводить итоги, мы перешли на «фотосамиздат» - стали вручную создавать свои фотоальбомы. Печатали фотографии, склеивали их резиновым клеем, делали корешки, обложки – создавали полноценный фотоальбом. Сами учились разрабатывать развороты, увязывать расположение и последовательность фотоснимков. Пока собирался альбом, происходил отбор и анализ фотографий, выделение серий, последовательностей, совпадений и противопоставлений – редакторская часть фотопроцесса. Так появились все наши фотоальбомы того периода.

Пока мы трудились в своем "подполье" (мастерская располагалась в подвале, ниже уровня земли), в миру о нас не забывали. Однажды вечером раздался входной звонок и на пороге появились два молодых человека: высокий с бородой - Павел, и плотный, без нее - Александр.

Спросили нас, сказали, что пришли знакомиться. Оказалось что они - два фотографа, работающие в бывшей нашей студии. Сказали, что и на работе, и в клубе слышали о нас столько негативного, столько "ужасиков" и "страшилок", что решили пойти и увидеть "этих монстров" своими глазами. Попросили никому не говорить о своем посещении, ибо это грозит им увольнением с работы и изгнанием из клуба. На высказанные нами сомнения уверили нас, что ничуть не преувеличивают. Рассказали о том, что на работе вся фотопленка выдается им под

роспись и должна сдаваться начальнику после фотосъемки. На свои негативы они не имеют никаких прав - так составлен договор. Мы искренне удивились столь откровенной дискриминации, ведь авторское право возникает в момент щелчка затвора и никаким образом не может быть аннулировано. "Для нас это право не возникает даже после проявки пленки" - ответил Александр. Понятно стало, что такое отношение к фотоаппаратам со стороны администрации объясняется тотальным страхом перед людьми с фотоаппаратом. Мы посочувствовали, что приходится работать в такой обстановке и посоветовали попробовать ее изменить. Так возникла наша тайная дружба, длящаяся до сего дня. Встречались мы по всем законам конспирации - под покровом темноты. Просматривали фотографии друг друга, задавали вопросы, получали ответы. Через некоторое время ребята из студии уволились - "надоел начальник". Павел вернулся в родной Новосибирск, а Александр уехал в Москву, где начал свою карьеру фотоаппаратостроителя.

ПЕРЕМЕНЫ

«Нам никто и ничто не может запретить снимать» - говаривал Володя Воробьев. Вот с этим девизом мы и прожили несколько лет. А в жизни страны за это время произошли серьезные перемены: в Москве умерли друг за другом три генеральных секретаря, которых заменил Михаил Горбачев. В областных и городских партийных кругах началась ротация кадров и поколений. Приходили молодые - уходили старые начальники и их замы - началась пора перемен... В горком партии пришел «неноменклатурный» Альберт Ленский, в прошлом горновой, начальник доменного цеха, человек, не чуждый искусства. В свободное от работы время он увлеченно и, главное, хорошо пел. Став секретарем горкома по промышленности, Альберт Иванович решил построить и построил Дом творческих союзов со зрительным и выставочным залами, кафе, творческой гостиной и комнатами для разных творческих организаций. Но, взяв под свое кураторство творческие направления, Ленский тем самым вторгся на заповедную территорию «идеологических отделов», властителей умов советских людей. Царила в городском «идеологическом заповеднике» Тарасова Элеонора Филипповна, тонкогубая владелица маленьких сверлящих и внимательных глаз. По какой-то причине отношения между «номенклатурщицей» Тарасовой, красивой и стройной женщиной, и голосистым грузноватым Ленским, человеком «из народа», мягко говоря, не сложились... Что виной тому - амбиции, нарушение границ, или разница путей «во власть» - со стороны сказать трудно...

Через какое-то время, возможно по инициативе со стороны «органов», прознавших о нашем увлечении литературой, философией и прочим, мы лишились своей подвальной фотолаборатории. С нашей организацией просто не продлили договор, без объяснения причин... Но к тому времени мы уже имели все, что нам могло пригодиться в жизни:

мировоззрение и начала понимания, книги и наставников, профессиональные способности и навыки...

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЗРИТЕЛЮ

В 1987 году у меня появилась возможность поработать руководителем фотокружка в детском доме №5 "Дружные ребята". Фотокружок числился во Дворце Пионеров, что давало мне независимость от руководства детдомом. Полгода мы, вместе с детьми, создавали «коллективный портрет детдомовца». Трижды в неделю фотоаппарат «Зенит Е» заряжался фотопленкой и количество кадров делилось на число детей, присутствующих на занятии. После этого каждый получал возможность потратить свои кадры на то, что ему нравится, и мы отправлялись в поход за портретами: друзей и приятелей, братьев и сестер. После проявки и сушки пленки с каждого негатива печаталось столько фотографий, сколько голов было на снимке. Потом фотографии раздавались детям. Таким образом за полгода нами было сделано и роздано около 2000 фотографий. Да и у меня к лету собралось приличное количество детских фотопортретов.

Однажды в автобусе мне встретился новокузнецкий художник-график Александр Гаврилов. Оказалось, что мы оба работаем в детских домах: он ведет студию рисования, я – фотокружок. И оба занимаемся детскими портретами. Решение объединиться для создания выставки стало естественным завершение "автобусной" встречи.

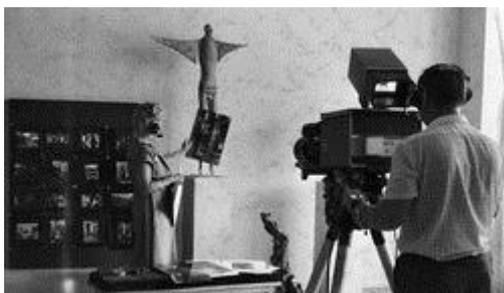
К тому времени страна изменилась, люди жаждали перемен, новых тем и впечатлений, новых выставок. В августе 1987 года мы воспользовались новым залом Дома творческих союзов и открыли в нем выставку «Дети в Доме», посвященную ранее наглухо закрытой теме – детским домам и их обитателям. При «старом режиме» не то что, открыть, а даже озвучить идею такой выставки было бы «социальным самоубийством». Фотографии и картины дошли до зрителя - сработало и время, и покровительство выставочному залу со стороны Ленского, второго секретаря, и его неприязненные отношения с Тарасовой, секретарем третьим-«идеологом». Зрительская реакция на ранее закрытую тему и выставку напоминала взрыв. Книга отзывов была полна восторженных и одновременно глубоко неравнодушных записей. Люди, попадая в зал, окруженные почти двумя сотнями детских внимательных глаз, испытывали шок. Так после шестилетнего запрета наши фотографии вновь вернулись к зрителю. Вернулись сильно, значимо, красиво...

ПОМОЩЬ ПАРТАППАРАТА

Не осталась выставка и без внимания властей. Администрация среагировала по-старому - привычно и для себя, и для нас, - я был немедленно отозван из детдома и уволен из Дворца Пионеров. А вот партийная власть повела себя совсем по-другому. Альберт Ленский был на выставке, и не раз. Однажды даже вынужден был в присутствии детдомовцев, защищать фотографии от агрессивного оговора со стороны завуча детского дома. На выставке побывал и новый глава обкома партии Вадим Бакатин, заменивший Горшкова, инициировавшего наше увольнение. Побывал в рамках знакомства с городами Кузбасса после своего назначения. Выставка так понравилась новому главе, что он распорядился издать фотоальбом на основе экспозиции, для чего запросил от нас макет. В кратчайшие сроки мы вручную склеили макет альбома и отправили его в обком партии. Но оказалось, что желания даже главы обкома КПСС недостаточно, чтобы преодолеть все чиновничьи запреты на пути к публикации. Через год, попутешествовав по разным издательствам и даже побывав в недавно созданном Детском Фонде на столе Альберта Лиханова, альбом вернулся назад с пометкой "издать невозможно". Да и

Бакатин за это время сменил кресло секретаря обкома на кресло главы всеильного КГБ... Так что первая попытка власти помочь нам, успехом не увенчалась. Слава Богу, она была не последней...

Год спустя в том же выставочном зале Дома творческих союзов мы открывали групповую выставку художников и фотографов «ЭКОЛОГИЯ», посвященную катастрофическому состоянию городской среды – еще более болезненной для властей теме. На открытии выставки не было ни одного «обычного» приглашенного. Только авторы, художники и фотографы, и партийные функционеры – секретари и инструктора райкомов КПСС. Мы так и стояли напротив друг друга. С одной стороны секретари и инструктора-идеологи, с другой – их извечные противники – творцы, художники и фотографы. Но начальник наших противников певец-коммунист Альберт Ленской, стоял на нашей стороне и сотрясал воздух словами о "мужестве и честности художников, смело вглядывающихся в окружающий мир и не боящихся показать..." Ну и так далее... Обе стороны, - и за его спиной и перед его лицом, - внимательно слушали речь. Но чувства и думы у сторон были разные...

Выставка имела оглушительный успех не только у горожан, но и у прессы с телевидением. Прессы было много и была она хороша. Книга отзывов, кроме восторженных записей, содержала множество предложений от зрителей - от награждения авторов

медалями за мужество, до отдачи под суд виновников удручающего состояния городской среды.

О выставке каким-то образом стало известно в Москве и оттуда, из Всероссийского общества охраны природы, приехал экспозиционер. Войдя на выставку, житель столицы испытал шок, не меньший, чем горожане. Но в отличии от горожан, он никогда не видел ни таких фотографий, ни того, что было их прообразом. Нам, организаторам, было сделано предложение перевезти выставку в Москву и разместить ее в выставочном зале общества «Охраны Природы». Мы согласились при условии, что формировать концепцию и экспозицию выставки будем сами.

Выставка в Москве предполагалась объединенной – художники, скульпторы и фотографы. Художников финансировал их Союз, анас, фотографов, финансировать было некому. Тогда мы обратились за помощью в горком партии. Альберт Ленский к тому времени стал его первым секретарем. Идея о перевозе выставки "ЭКОЛОГИЯ" в Москву ему не только понравилась, но была воспринята как вызов для провинциалов "на покорение столицы"... Одним словом, в течении года мы с художниками работали над новым проектом. Художники создали дизайнерский макет выставки, разработали афишу, приглашение и рекламный листок, мы заказали рамки под фотографии, а самое главное – вместе отпечатали в городской типографии каталог выставки, состоящий из трех частей.

И в августе 1989 года выставка живописи, графики, скульптуры и фотографии «РЕГИОН» открылась в здании храма Максима Блаженного на Варварке, в выставочном зале Всероссийского общества охраны природы. Среди ее участников были все три члена фотогруппы «ТРИВА» - Владимир Воробьев, Владимир Соколаев и Александр Трофимов. Наш приезд в Москву, равно как и участие в выставке, были поддержаны и профинансированы Новокузнецким горкомом КПСС.

Таким образом, в истории фотогруппы «ТРИВА» было и сотрудничество с властью, и противостояние ей. Но закончилась история все-таки сотрудничеством...

Начиная с 1989 года и по сей день каждый из нас двигается самостоятельно...